

Матильда достала блокнот и записала:
Тот тип, что сидит слева, похоже, надо мной издевается.

Она отхлебнула пива и снова взглянула на соседа, крупного мужчину, добрых десять минут барабанившего пальцами по столу.

Она опять открыла блокнот:

Он уселся так близко от меня, словно мы знакомы, хотя я никогда его прежде не видела. Совершенно уверена, что не видела. Об этом типе в черных очках нельзя сказать ничего особенного. Я сижу на террасе кафе "Сен-Жак", мне принесли кружку пива. Пью. Полностью сосредоточилась на пиве. Ничего лучшего придумать не могу.

Сосед Матильды продолжал барабанить по столу.

— У вас что-то случилось? — спросила она.

Голос у Матильды был низкий, хрипловатый. Мужчина подумал, что это голос женщины, которая курит не переставая с утра до ночи.

— В общем, нет. А что? — поинтересовался он.

— Да, знаете ли, ваша барабанная дробь меня нервирует. Сегодня меня вообще все бесит.

Матильда допила пиво. Оно показалось ей пресным — типичный воскресный вкус. Матильда называла это “болезнью седьмого дня”, и ей казалось, что она подвержена этому весьма распространенному недугу больше, чем кто-либо другой.

— Вам лет пятьдесят, насколько я могу судить, — произнес человек, не отодвигаясь от нее.

— Возможно, — ответила Матильда.

Она была сбита с толку. Что этот тип к ней привязался? Секунду назад она заметила, как ветер сдувает в сторону струйку фонтана напротив кафе и вода стекает по руке стоящей внизу статуи ангела: такое мгновение могло подарить ощущение вечности. А этот тип сейчас как раз портил ей единственное запоминающееся мгновение за весь седьмой день.

К тому же обычно ей давали лет на десять меньше. И она не преминула ему об этом сообщить.

— Ну и что? — заявил тот. — Я не умею оценивать других, как обычные люди. Тем не менее я предполагаю, что вы, наверное, красивы, или я ошибаюсь?

— А разве с моим лицом что-то не так? Судя по вашему виду, вы на меня и не смотрели толком! — ответила Матильда.

— Всего нет, — сказал странный мужчина, — но я предполагаю, что вы скорее красивы, хотя и не могу в этом поклясться.

— Воля ваша, — произнесла она. — Что касается вас, уж вы-то точно красавец, и я могу в том поклясться, если вам от этого будет лучше. На самом деле от этого всем будет лучше. А потом я уйду.

По правде говоря, сегодня я слишком раздражена и потому не имею ни малейшего желания беседовать с кем-то вроде вас.

— Я сам сегодня с трудом держу себя в руках. Хотел снять квартиру и отправился было ее смотреть, а она оказалась уже занята. А с вами что приключилось?

— Я упустила одного совершенно необходимого мне человека.

— Подругу?

— Нет, одну женщину, я за ней наблюдала в метро. Столько всего записала о ней в блокнот, и тут она внезапно исчезла. Видите, как бывает!

— Нет, я ничего не вижу.

— Вы и не пытаетесь. Вот в чем суть.

— Разумеется, не пытаюсь.

— У вас тяжелый характер.

— Очень. Ко всему прочему я еще и слепой.

— О господи, — воскликнула Матильда. — Извините меня!

Человек повернулся к ней с недоброй улыбкой:

— А зачем вам извиняться? Ведь в этом нет вашей вины.

Матильда решила, что пора уже ей заткнуться. Однако она была совершенно уверена, что у нее не получится.

— А кто в этом виноват?

Красавец слепой, как мысленно окрестила его Матильда, отвернулся и теперь сидел к ней почти спиной.

— Виновата одна дохлая львица: я производил ее вскрытие, изучая двигательный аппарат семейства кошачьих. Кому какое дело до того, как двигаются кошки? Иногда я говорил себе: какое чудо, а порой

думал: черт возьми, львы просто ходят, пятятся назад, прыгают, вот и все, что нам надо знать. А однажды сделал неловкий надрез скальпелем.

— И из трупа брызнуло во все стороны.

— Точно. А вы откуда знаете?

— Когда-то так погиб один парень, который построил колоннаду Лувра¹: его убил верблюд, лежавший на секционном столе. Но то было давно, и то был верблюд. Разница все же есть.

— Пададь — она и есть пададь. Брызги попали мне в глаза. Я погрузился во тьму. И все, с тех пор я уже ничего не вижу. Черт бы меня побрал!

— Вот сволочь эта львица! Мне доводилось видеть таких животных. Сколько времени прошло?

— Одиннадцать лет. Может статься, эта львица сейчас смеется надо мной. Впрочем, я и сам над собой смеюсь. Только не над тем скальпелем, что я держал в руке. Через месяц после того случая я вернулся в лабораторию, разгромил ее и повсюду разбросал куски разлагающихся звериных трупов. Я хотел, чтобы в глаза всех окружающих проникло гниение, и я уничтожил все, что было сделано нашей группой в области исследований опорно-двигательной системы кошачьих. Понятное дело, это не принесло мне удовлетворения. Я был разочарован.

— Какого цвета были ваши глаза?

— Черные, как крыло стрижа, черные, как ночное небо.

— А теперь они какие?

¹ Имеется в виду Клод Перро (1613–1688), французский биолог, медик и архитектор. Скончался от инфекции, полученной во время вскрытия верблюда в Ботаническом саду Парижа. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

— Никто пока не набрался смелости их описать. Думаю, они черно-красно-белые. Когда люди их видят, у них перехватывает горло. Представляю себе, какое это отвратительное зрелище. Я теперь никогда не снимаю очки.

— Мне бы очень хотелось увидеть ваши глаза, — заявила Матильда. — И тогда бы вы точно узнали, какие они. Ничто отвратительное не может меня смутить.

— Так все говорят. А потом плачут.

— Однажды во время погружения мне в ногу вцепилась акула.

— Сцена не из приятных, согласен.

— Из того, что вам больше не суждено увидеть, о чем вы больше всего сожалеете?

— Вы меня убиваете своими вопросами. Не стоит весь день говорить о всяких львах, акулах и прочих мерзких тварях.

— Конечно, не стоит.

— Мне жаль, что я не могу видеть девушек. Весьма банально.

— Девушки куда-то подевались после того случая с львицей?

— Представьте себе, да. Вы мне не сказали, почему следили за той женщиной.

— Нипочему. Я за многими наблюдаю, знаете ли. Это сильнее меня.

— Ваш возлюбленный ушел после того, как вы повстречались с акулой?

— Один ушел, другие пришли.

— Вы особенная женщина.

— Почему вы так говорите? — удивилась Матильда.

— Из-за вашего голоса.

— А что вы такое слышите в человеческих голосах?

— Ну уж этого я вам ни за что не скажу! Господи боже, что же мне тогда останется? Хотя что-то нужно оставить бедному слепому, мадам, — с улыбкой произнес незнакомец.

Он встал, собираясь уходить. Его стакан так и остался нетронутым.

— Постоите. Как ваше имя? — спросила Матильда.

— Шарль Рейе, — помедлив, ответил он.

— Благодарю вас. Меня зовут Матильда.

Красавец слепой заявил, что это роскошное имя и что так звали королеву, правившую в Англии в XII веке, а затем направился к выходу, то и дело прикасаясь к стене кончиками пальцев, чтобы не потерять дорогу. Матильде было наплевать на XII век, и она, хмурясь, осушила стакан, оставленный слепым.

Долго, несколько недель подряд, бродя по улицам, Матильда все надеялась, что красавец слепой как-нибудь попадетсЯ ей на глаза. Но ей никак не удавалось его найти. Ему, по всей вероятности, было лет тридцать пять.

Он получил должность комиссара полиции в 5-м округе Парижа. Сегодня был уже двенадцатый день его новой службы, и он шел на работу пешком.

К счастью, дело было в Париже, единственном городе, где ему нравилось жить. Многие годы он считал, что ему безразлично место его обитания, так же безразлично, как пища, которую он ест, мебель, которая его окружает, одежда, которую он носит, — все то, что ему подарили либо передали по наследству, или что случайно попало под руку.

По правде говоря, с местом жительства все обстояло не так просто. Жан-Батист Адамберг исходил босиком все каменистые склоны Нижних Пиренеев. Он там жил, там спал, а впоследствии, став полицейским, там же и работал, расследуя убийства, совершенные в деревенских каменных домиках, и убийства, совершенные на горных тропах. Он прекрасно знал, как хрустят под ногами мелкие камни, как гора заставляет человека прижиматься к отвесной стене и пугает его, словно жилистый злой старик. В двадцать пять лет Адамберг начал работать в комиссариате, где его прозвали лешим. Может быть, из-за его диковатых манер и замкнутости — он точно не знал. Сам он не считал

это прозвище ни оригинальным, ни лестным и не понимал, откуда оно взялось.

Он спросил об этом у одного из инспекторов, молодой женщины, которая тогда была его непосредственной начальницей (ему порой очень хотелось ее поцеловать, но он не смел, ведь она была на десять лет старше его). Она смутилась, а потом сказала:

— Вы могли бы и сами догадаться. Взгляните в зеркало — и сразу все поймете.

В тот вечер он с досадой изучал свое отражение: невысокий, крепкий, темноволосый — ему-то самому нравились рослые белокурые люди. А на следующий день сказал ей:

— Я постоял перед зеркалом, посмотрел, но так и не понял, о чем вы вчера говорили.

— Адамберг, — произнесла инспекторша немного устало и раздраженно, — к чему эти разговоры? Зачем вы задаете такие вопросы? Мы должны работать, у нас дело о краже часов — вот и все, что вы должны понимать, я же не имею ни малейшего желания обсуждать вашу внешность. — А потом добавила: — Мне не платят за то, чтобы я обсуждала с вами вашу внешность.

— Ладно-ладно, — сказал Жан-Батист, — не надо так переживать.

Час спустя стук пишущей машинки вдруг затих, и Адамберг услышал, что начальница его зовет. Она была крайне раздосадована.

— Давайте покончим с вашим вопросом, — заявила она. — Скажем так: вы выглядите как юный леший, вот и все.

Он спросил:

— Вы хотите сказать, что это существо примитивно и безобразно?

Она, казалось, окончательно потеряла терпение: — Не заставляйте меня говорить, что вы писанный красавец, Адамберг. Но вашего обаяния вполне хватило бы на тысячу мужчин. Думаю, что с этим вполне можно жить, не так ли?

Ее голос прозвучал не только устало, но и нежно — в этом молодой человек был абсолютно уверен. Он вспоминал ее слова с волнением и трепетом, в особенности потому, что так она больше с ним не говорила. Он ждал продолжения, и сердце его сжималось. Может быть, она даже хотела его поцеловать, может быть... но она вновь заговорила с ним официальным тоном и больше не возвращалась к этому разговору. Лишь добавила несколько слов, как будто совсем отчаявшись:

— Вам нечего делать в полиции, Жан-Батист. Лешие в полиции не служат.

Она ошибалась. В течение следующих пяти лет он раскрыл одно за другим четыре убийства, причем вел расследование так, что его коллеги сочли это просто невероятным, а следовательно, неправильным и возмутительным.

— Ты ни фиги не делаешь, Адамберг, — говорили они. — Ты торчишь в конторе, слоняешься из стороны в сторону, витаешь в облаках, разглядываешь голую стену, рисуешь какие-то каракули, пристроив листок на коленке — словно у тебя в ушах звучат потусторонние голоса, а перед глазами проходят картины реальных событий, — и вдруг в один прекрасный день появляешься и беззаботно, любезным тоном сообщая: “Нужно арестовать кюре, это он задушил мальчика, чтобы тот не проговорился”.

Юный леший, раскрывший четыре убийства, вскоре стал инспектором, а потом комиссаром, и все

эти годы он по-прежнему часами что-то рисовал, расправив свои бесформенные брюки и пристроив на коленке листок бумаги. И вот две недели назад ему предложили место в Париже. Он покинул кабинет, где за двадцать лет изрисовал карандашом все что можно и где за все это время жизнь так и не успела ему наскучить.

Однако как же порой ему досаждали люди! Он почти всегда заведомо знал, что сейчас услышит. И всякий раз, когда он думал: “Сейчас этот тип скажет то-то и то-то”, — он злился на себя и был самому себе противен, в особенности в тех случаях, когда ему действительно говорили то, что он и предполагал. Он по-настоящему страдал, прося какое-нибудь божество хоть на один-единственный день сделать так, чтобы случилось нечто неожиданное, а он ничего не знал бы заранее.

Жан-Батист Адамберг помешивал кофе, сидя в бистро напротив нового места службы. Понимал ли он теперь, почему его когда-то прозвали лучшим? Да, сейчас он представлял себе это несколько яснее, но ведь люди всегда довольно небрежно обращаются со словами. И он в том числе. Абсолютно точно было одно: только Париж напоминал ему тот горный край, который, как он уже понял, был так ему необходим.

Париж, каменный город.

Здесь, конечно, довольно много деревьев, куда же от них денешься, зато на них можно не обращать внимания, просто не смотреть. Что касается скверов, то мимо них лучше не ходить, и тогда все вообще будет отлично. Из всего растительного мира Адамберг любил только хилые кустарники да овощи со съедоб-